

Петр Немировский

ПОДВИГИ ПЛАТОНА

Рассказ

– Вот говорят: «Мы встретились совершенно случайно». Но, если хорошенько задуматься, то обнаружится, что в любой случайности есть смысл, – философски изрек Платон Петрович.

Все мужчины вокруг – родственники и друзья Платона Петровича, оторвали взгляды от камина, где весело потрескивали березовые поленья, и посмотрели на хозяина.

Из соседних комнат долетали возгласы и смех детей. Порой кто-то из них забежал в просторную гостиную, чтобы полакомиться сладостями со стола.

В доме стоял густой, ласкающий ноздри запах индейки, которую жена Платона Петровича запекла ко Дню Благодарения.

– Есть у меня одна история юности. Правда, не совсем юности, а, скажем так, ранней зрелости. Но, глядя на свое прошлое сегодня, когда виски уже в серебре, понимаю, что в тридцать лет я еще оставался редким шалопаем.

– Не тяни волынку, Платон, уже поздно, скоро по домам пора, – сказал ему, пропустив глоток коньяку, развалившийся в кресле шурин.

Слишком фамильярный тон гостя задел хозяина. Но приятный день в кругу родных и друзей, вкусная индейка, коньяк, тепло,

исходящее от камина, все это действовало умиротворяюще. Вместо того, чтобы одернуть шурина, Платон Петрович добродушно улыбнулся. Мол, ты прав, дорогой родственник.

– Тогда слушайте.

И он неспешно начал:

Мне тогда было тридцать два года, и я работал инспектором в одной фирме, проверял техническое состояние многоэтажных зданий. На работе, скажем прямо, не перетруждался. Женат я еще не был, иногда захаживал в церковь, не без тайной надежды встретить там простую богобоязненную девушку, чтобы создать с ней семью. Но в душе, признаюсь, мне хотелось и чего-то необычного. И вот, стал я частенько заглядывать в русские рестораны и ночные клубы на Брайтон-Бич. В одном из ресторанов я познакомился с Илоной, – Платон Петрович бросил осторожный взгляд на приоткрытую дверь в другую комнату, где женщины, в том числе его жена и взрослая дочь, смотрели популярный сериал. Убедившись, что дамы его не слышат, продолжил.

– Илона... Она была ресторанной певицей. Красотка неопиcуемая. Но у этих ресторанных звезд – на брюхе шелк, а в брюхе щелк: хоть она и на глянцевых плакатах, и на сцене ресторана в лучах софитов – вся искрилась и светилась, а за душой – ни шиша, одни долги. Она была вечно нервной, издерганной. Мы с ней стали ссориться с первого дня, вернее, с первой же ночи, как переспали. Но после очередной ссоры она всегда мне звонила, просила прощения, говорила, что я – единственный, кто ее понимает.

Сам не знаю, как это случилось, но очень быстро я вышел из рамок и полетел, что называется, в омут головой. Едва ли не каждый

вечер ходил в тот ресторан, где пела Илона, сорил там деньгами, постоянно оказывался в каких-то шумных пьяных компаниях.

Мне эта новая жизнь была чуждой, но, признаюсь, и очень нравилась. Дома-то ведь или на работе – одно и то же. А там, в ресторане на Брайтоне, – музыка, горячие лобстеры с холодным элем, полуголая Илона с микрофоном...

Платон Петрович на миг умолк, устремив взгляд в окно, где фонари освещали ряд невысоких сосенок возле гаража. Опыт ему подсказывал, что все примерные отцы семейств, присутствовавшие в этой комнате, многое бы отдали, чтобы хоть на минуту очутиться в том ночном ресторане на Брайтон-Бич, сперва – с бокалом холодного эля, потом – в жарких объятиях молодой, издерганной певицы Илоны...

– Но сколько веревочке не виться... – продолжал рассказчик. – Меня арестовала полиция, когда я ехал к Илоне, перед этим купив кокаин у одного наркоторговца. Да, было и такое, грешен! Копы вытащили меня из машины, стали обыскивать. Сразу, как водится, вокруг собралась толпа зевак, все старались снять меня на мобильник, полагая, что присутствуют при аресте известного мафиози, крестного отца русской мафии в Америке. Как потом выяснилось, меня задержали по ошибке, полицейские охотились за опасным преступником, на которого, судя по фотороботу, я был очень похож... Короче, стою на проезжей части с поднятыми руками, меня всего ощупывают, осматривают до самых носков. Орут, матерят, наводят пистолеты. В машине моей тоже шарят переодетые полицейские, всё там перетряхивают, что-то ищут. А у меня под сиденьем – десять пакетиков кокаина! Мать честная! – думаю, – вот сейчас как найдут, тогда – мне крышка. – Незадолго до того я уже попался: пьяным вел машину. Но на

работе об этом аресте, к счастью, не узнали. «А сейчас, – думаю, – найдут кокаин, тогда уже не выпутаюсь. Отвезут в полицию, потянут в суд, уволят с работы. Еще и в тюрьму упекут. Боже праведный, – взмолился я. – Вступись за своего грешного сына. Если Ты сейчас спасешь меня, то, клянусь, я буду Твоим должником до конца своих дней!»

– И что, отпустили? – спросил Платона Петровича шурин, раздраемый любопытством. Он даже разволновался, услышав историю о былых геройствах своего уважаемого родственника. «Надо же, – мысленно удивлялся он. – Меня в их семье держали за безнадежного гуляку. Да я и сам так считал. А Платона всегда ставили мне в пример. Оказывается, он гудел покруче моего: ресторанная певица в любовницах, кокаин, аресты. Плохо же, однако, мы о себе думаем!»

– Представь себе, отпустили. Полицейские проверили по электронной базе мои документы. Кокаина в машине не нашли. К счастью, я был трезв. Даже извинились передо мной, сержант мне на прощанье еще и руку пожал.

Сел я в машину и, отъехав на несколько улиц, выбросил пакеты с наркотиками в канализацию. Отряхнул от них руки – всё, чистый! И – прямым ходом в церковь.

xxx

Вошел в храм, попал как раз под конец вечерней службы. Не успел я поставить свечку, как из алтаря вышел священник, отец Илья, и сразу – ко мне. Пригладил свой седой длинный ус и спрашивает:

– Где же ты, Платон, блудный сын, пропадал все это время? В каких землях навоз за свиньями выносил?

– Влюбился я, отец-настоятель, в одну ненаглядную певунью, потерял из-за нее голову. Пил, пристрастился к наркотикам, блудил страшно. Про Бога и вовсе не вспоминал. В жизни моей были одни только рестораны, песни и Илона.

Священник слушал, качал головой. Даже смахнул с глаза набежавшую слезу. Очень был слезоточивый старичок, любил меня. Да и всех людей очень любил, умел к каждому подход найти и верное слово подобрать...

В общем, покался я. Принес Богу исповедь во всех своих грехах, ничего при себе не оставил. Таким я был человеком – ни в чем меры не знал: ни в плохом, ни в хорошем. Пообещал и к Илоне забыть дорогу, и в церковь снова ходить.

– А еще, батюшка, хочу я не просто искупить свой грех, но и сделать какое-то богоугодное дело, совершить какой-то подвиг.

– Подвиг, говоришь... – отец Илья задумался, устремив взгляд в голубой свод купола. – Знаешь что, воин Христов: отвези-ка для начала домой вон ту кралю, – и священник указал на молодую женщину, стоявшую неподалеку от нас. – Она в нашей церкви впервые, у нее умерла подруга, она и приехала узнать, как заказать молебен. Живет она далеко отсюда, сейчас без машины, и я не хочу, чтобы она так поздно одна домой возвращалась. Вот и будет у тебя подвиг, – и священник хитровато мне подмигнул.

– О чем речь, это мне проще простого, – отвечаю, а тем временем к ней приглядываюсь.

Стройная, красивая. Одета скромно – в длинной юбке и серой кофте, застегнутой на все пуговицы. «Вот такая женщина мне и нужна! Такую-то я и искал!».

Села она в мою машину, и я повез ее домой. По дороге мы с ней, понятно, познакомились. Обменялись номерами телефонов. Попрощались, я поехал обратно. Чутье мне подсказывало, что и я ей приглянулся... Вот так, казалось бы, случайная встреча. А на самом деле, каждый из нас рано или поздно находит то, чего его беспокойное сердце ищет, – резюмировал Платон Петрович.

– И этой кралей была Танечка, твоя будущая супруга, да? – уточнил расчувствовавшийся шурин.

Платон Петрович устремил на него испепеляющий взгляд. Однако ничего не ответил.

– На следующее утро я этой крале позвонил, и мы встретились, – продолжил он. – Пошли с ней в кино, погуляли по набережной Брайтона. Я предложил ей где-то выпить кофейку. Не знаю, как такое случилось, только ноги сами меня привели в тот ресторан, где пела Илона! Стоило мне увидеть ее на сцене, стоило услышать сладкий голос этой сирены, как я тут же потерял голову, забыл и о своей новой пассии, и о вчерашних клятвах! – Платон Петрович надолго умолк. Только качал головой да цокал языком: – А-ах! О-ох!.. А со своей супругой Татьяной я познакомился несколько месяцев спустя, в госпитале, когда меня привезли из того ресторана по «скорой», с пулевым ранением в живот.